

Кайсын
КУЛИЕВ

ПОБЕГ

КАК-ТО у нас на пастбище ночевал заезжий студент. После того как поужинали и старшие, целый день косившие сено, легли спать в кош, студент, Саид и я пошли, взяв бурки, устраиваясь спать на траве под открытым небом. Сказочный мир ночных гор был в полной, неизъяснимой своей красе. Мы смотрели на звезды и слушали студента. Он говорил о дотоле не слышанных нами вещах: о городе, в котором мы никогда не бывали, о том, какую чистую одежду там носят, какие книги там читают (они даже интереснее наших сказок), и, главное, там все студенты знают русский язык. Мы слушали раскрыв рты. В ту ночь студент рассказал нам историю об одном старике и его сыне-офицере. Я очень хорошо ее запомнил. Когда же, выучив русский язык, стал читать книги, я сам прочел эту историю. Оказалось, что наш гость пересказал нам «Дубровского». Я тогда и не слышал про Пушкина. Вот как и при каких обстоятельствах я впервые встретился с величайшим поэтом России.

Студент утром покинул нас, но дело свое он сделал. Мы с Саидом решили бежать в город учиться. Через день, бросив на произвол судьбы отару, мы под вечер тайком покинули пастбище. В какой стороне находится город, мы знали лишь приблизительно, потому что взрослые родичи иногда гнали туда скот на базар. Вот мы и зашагали в том направлении. По пути надо было подниматься на зеленую гору. Пока мы преодолели подъем, совсем стемнело. Мы были голодны, стояли на вершине горы и ничего не видели. Вокруг густой туман. Через какое-то время до нас донесся храп лошадей. Мы поняли, что где-то ниже на склоне пасется табун. Стали спускаться по склону и вскоре увидели лошадей. А людей не было. Сели на траву, стали прислушиваться. Откуда-то снизу донесся собачий лай. Мы вновь встали и пошли в направлении собачьего лая. Шли довольно долго. Склон зеленой горы остался позади, когда мы навстречу с лаем бросились два огромных пса.

— Садись! — командовал я Саиду и присел. Я помнил, как мать учила меня в таких случаях садиться на землю — тогда собаки не тронут. Вскоре появился человек. Он крикнул:

— Эй, кто там?

— Мальчики из Кая-арты, — ответил я. — Салам-алейкум!

— Алейкум-салам. Пошли в кош! Незнакомец повел нас за собой. Яркое горел огонь, освещая каменные стены просторной пещеры, которая служила жильем для хуламских пастухов. У огня сидели человек пять. Они ужили. Нас усадили у огня.

— Сначала поешьте, потом расскажете о себе, — сказал старший среди пастухов.

Тот, который привел нас в пещеру,

подал нам айру в темных деревянных чашках. Перед нами на узком подносе из дерева лежала свежая баранина, стояли чашки с айраном. Мы жадно начали есть мясо, макая его в туздук — чесночную приправу. Когда мы наелись и успокоились, Старший спросил:

— Откуда вы, мальчики?

— Из чегемского Кая-арты.

— Чьи вы сыновья?

— Я сын Кулиева Шува, а он — Акаева Харуна, — ответил я.

— Понятно. Куда идете?

— В город. Хотим учиться там.

— А родители вам разрешили?

Это был самый трудный для нас вопрос. Я замаялся, не зная, что ответить. И все же решил сказать так, как было на самом деле.

— Нет, мы бежали тайком.

— Как это так? Ваши родичи будут вас искать. Они подумают, что вы где-нибудь сорвались со скалы в пропасть или же на вас напали волки.

Мы молчали, опустив глаза, боясь, что дело кончится плохо: этот человек, который завел такой серьезный разговор, может утром отправить нас с кем-нибудь назад в Кая-арты. И нам достанется за то, что сбежали да еще оставили отару на произвол судьбы. Так достанется, что пропадем. К нашей радости, разговор был коротким.

— Ладно, сейчас пора спать. Утром решим, как с вами быть, — сказал он. Мы с Саидом легли, укрывшись одной буркой, и уснули. Утром нас опять накормили, и старший чабан сказал:

— Мы решили, мальчики, не задерживать вас. Идите своей дорогой. Может быть, повезет вам и станете учеными людьми. Только будьте осторожны. Ночью не идите. Счастливого пути!

БРИТОГоловый и суровый на вид чабан казался нам самым мудрым и добрым человеком на свете. Хуламские чабаны рассказали нам, как идти, дали на дорогу мяса и чуреков. И ранним утром мы снова отправились в путь. Дорога шла на север, вдоль реки. В полдень на ее берегу мы сделали привал, уселись на траве, поели мяса с чуреками, запили водой из реки, отдохнули и снова пошли. Через некоторое время нас остановили чабаны, которые стригли овец. Они тоже стали расспрашивать нас, откуда мы и куда идем. Опасаясь, что и здесь нас смогут задержать и отправить назад, мы решили соврать, сказали, что родственники послали по делу в селение Ак-Су, которое находится недалеко от города Нальчика. Но и эти чабаны, накормив нас, отпустили. Мы шли до самого вечера. Переночевали у косарей возле большого леса. Они сказали нам, что лес этот называется Баллад. Ему вполне подходило это звучное название. Он был очень красивый и густой. Молчаливо стояли громадные чинары, дубы, ольхи. И еще в лесу было невиданно много орехов. Они устилали траву под деревьями красновато-желтоватым ковром. Такого еще мы никогда не видели и вволю наелись орехов. По лесу шли целый день и к вечеру вышли к селению Ак-Су. Мы решили зайти во двор дома, который больше

всех нам понравился. Двор был просторный, чистый, а в саду яблони и грушевые деревья гнулись под тяжестью плодов. Молодой и, как нам показалось, нарядно одетый парень завел нас в дом. Здесь мы увидели трех так же нарядно одетых девушек и старуху. Все они отнеслись к нам ласково. Мы переночевали у них. Своим милым хозяевам мы сказали, что нам в городе надо найти дядю Саида, брата его отца, Хаджимурзу Акаева. Он занимал какую-то важную должность в Нальчике. Кроме того, о нем, о его храбрости во времена гражданской войны на Кавказе и вообще о его рыцарском характере рассказывали у нас в Чегемских горах легенды. В Балкарии и Кабарде Хаджимурзу знали многие. Оказалось, что его хорошо знали и наши гостеприимные хозяева в Ак-Су.

Они объяснили нам, что дом Хаджимурзы находится прямо у дороги, среди фруктовых садов в курортном предместье Нальчика Долинске. И мы тронулись в путь. Увидев дом из красного кирпича у поворота дороги, и решив, что это и есть дом нашего знаменитого родича, мы остановились. Однако войти во двор не осмелились. Решили ждать до тех пор, пока кто-нибудь выйдет оттуда. Стали играть, изображая косарей, на пыльной дороге, палками «косили» желтую и густую пыль. Мы так усердно «косили», что не заметили, как подъехал к нам всадник и остановился возле нас:

— Зачем вы глотаете эту пыль?

Мы смутились. А потом пролепетали:

— Салам-алейкум!

— Алейкум-салам! — ответил, улынувшись из-под седых усов, всадник, показавшийся нам необыкновенным. Конь его был гнедой масти, как цвет зрелого кизила, высокий, с острыми ушами и тонкими ногами, с длинной и тонкой шеей, сбруя на нем — уздечка, нагрудник, луки седла — все было позолочено. А сам необыкновенный всадник был в светло-серой черкесске, ладно сидевшей на нем, и коричневой кавказской шапке, а под черкесской был бешмет снежной белизны, на груди такие же белые газыры из слоновои кости, озолоченный кинжал на поясе, маузер в коричневой деревянной кобуре. Мы стояли в немом восхищении перед всадником, который с таким достоинством сидел на коне.

— Чьи вы будете, мальчики? — спросил он.

Мы ответили.

— Ага! — нам показалось, всадник удивился.

— Кого же вы ищите?

— Акаева Хаджимурзу, — ответил я. — Он наш родич и земляк, большой человек здесь, в городе, и самый храбрый герой.

Всадник улыбнулся.

— Ну, что ж, герои, пошли! — сказал незнакомец и направил коня к воротам кирпичного дома с зеленой оградой. Мы поняли, что это и есть наш Хаджимурза — храбрый из храбрейших, как называли его в Чегемских горах, герой и рыцарь. Как только мы вошли во двор, из дома вышла русская женщина средних лет в ярком сарафане.

Хаджимурза что-то сказал ей. Женщина ласково обняла нас обоих и завела в дом, где все показалось нам сказочно прекрасным.

Мы рассказали Хаджимурзе всю историю своего побега. Сказали, что сделали мы это потому, что очень хотим учиться в городе. Мы боялись, как бы он не стал ругать нас и сразу же не отправил домой. Зря опасались. Он одобрил наше желание учиться, даже похвалил за это. На нас были грязные, залатанные бешметы и штанишки. В тот же день Хаджимурза велел выкупать и переодеть нас. К вечеру мы были уже в новеньких легких рубашках и трусиках. Впервые надели такую одежду.

Через несколько дней Хаджимурза повез нас к русской учительнице. Она показывала нам разные предметы и что-то говорила, обращаясь к нам, видимо, спрашивала, как тот или иной предмет называется по-русски. Но мы отвечали только по-балкарски. Молодая светловолосая женщина улыбалась. Хаджимурза она сказала, что не беда, что мы не знаем по-русски, что она готова нам помочь. Мы, радостные, уверенные, что будем учиться у этой милой женщины, поехали к Хаджимурзе.

А ЖИЗНЬ решила иначе. Через день неожиданно для нас приехал отец Саида Харун, человек иного склада ума и характера, чем его старший брат. Харун застал нас во дворе, когда мы играли с соседскими мальчиками. Он быстро спешил.

— Вот вы где, сукины дети! — крикнул он и, подойдя к сыну, ударил его по лицу. Мальчик заплакал и хотел выбежать на улицу, но отец схватил его, вытащил из кобуры маузер и приставил ко рту сына. Я пришел в ужас, замер, не зная, что делать — бежать или стоя ждать своей участи. К нашему счастью, в эту минуту подъехал Хаджимурза.

— Что ты делаешь, сумасшедший! — закричал Хаджимурза на брата. — Спрячь оружие!

Харун нехотя и медленно убрал маузер. Пробурчал:

— Мы их ищем в горах, думаем, что беда какая с ними стряслась, а они, паршивые щенки, играют себе здесь, забавляясь!

— Ну и что же?

— А ты знаешь, что они, оставив овец и баранов на съедение волкам, бежали?

— Знаю. Они ведь дети!

— Дети!

— Да, дети! А таким, как ты, нельзя доверять оружие. Я завтра же распоряджусь, чтобы у тебя отобрали маузер.

— Как хочешь! — и рослый, усадый Харун потупился.

— Мальчик ведь мог онеметь от испуга. Кто так делает?

Харун молчал. Потом он объявил, что заберет нас домой в горы.

— Они хотят и должны учиться в городе, — настаивал Хаджимурза.

— Нам нужны, брат, работники, а не бездельники! — твердил Харун. Он настоял на своем, Хаджимурзе не удалось уломать его. На следующее утро Харун сел на своего коня, а нас, пешком, погнал в сторону Чегема.

Так безуспешно кончилась наша с Саидом смелая затея. Тогда не сбылось наше желание учиться в городской школе. Но мечта человека остается с ним, пока он живет. Я так хотел уметь читать книги, которые интереснее даже наших сказок, как утверждал заезжий студент! Мне так хотелось научиться говорить по-русски. Все это, к моему счастью, ждало меня впереди. А пока я, как и мой отец, не знал даже о существовании Гомера, Шекспира, Пушкина, Коперника, Рембрандта, Бетховена, Льва Толстого и им равных. Счастье открытия их для себя еще ждало меня!..

Рис. Р. Иванова.